

Глава 11, часть 9. Что значила та улыбка?

Как только [такси], несясь на огромной скорости, влетело в переливающееся пространство между реальным миром и [Финансовым кварталом], Соуши мгновенно ощутил: его Кроссинг с Курусу оборвался.

Масакаки, словно подметив это мимолётное движение, ничего не сказал, но чуть приподнял трость к самому носу, пряча за ней широкую, предвкушающую усмешку.

Заметив это боковым зрением, Соуши едва заметно прищурился. Он смотрел с ледяной пронзительностью, в которой на миг промелькнула отчетливая жажда убийства.

Эта [сделка] Соуши и Икки состоялась лишь потому, что другой [Предприниматель] подал [заявку на сделку].

В [Финансовом квартале], помимо обязательных еженедельных [сделок], игроки могут и сами инициировать сражения, выбирая конкретного оппонента. Такие вызовы носят принудительный характер: тот, кому брошен вызов, обязан принять бой.

По сути, разница между обязательной и именной схваткой заключалась лишь в том, что сведения об обязательных боях и их участниках публиковались открыто для всего Квартала, тогда как [именные сделки] оставались делом двоих.

В самом начале противники действовали осторожно, прощупывая почву слабыми заклинаниями и [прямыми ударами].

Однако не прошло и половины отведенного времени, как оппонент, видимо, устав от мелких стычек, достал Золотую карту и вложил средства:

— Меццо-фляция!

[Меццо-фляция, Поцелуй помады].

Едва бесстрастный голос системы затих, женственная фигура [Актива] противника с легким смешком послала Икки кокетливый взгляд и воздушный поцелуй.

Раздался отчетливый звук — «чмок», — и на правой щеке Икки отпечатался яркий след алой помады. Он от неожиданности не только густо покраснел, но и на несколько секунд просто оцепенел, потеряв нить боя.

Соуши наблюдал за этой сценой с каменным лицом, однако он едва заметно дрогнул, сжимая карту.

Пока вражеский [Актив] с довольным видом облизывала губы, магия вступила в силу: со счета Соуши мгновенно списалась объявленная сумма.

Впрочем, Соуши, казалось, даже не обратил на это внимания. Вот только когда пришел черед его хода, он «случайно» вложил в пять раз больше запланированного и с пугающей, почти неестественной чёткостью нанёс противнику сокрушительный удар хлыстом.

Точно в цель.

Пока вражеского [Предпринимателя] отбрасывало назад мощью этой атаки, Икки пришел в себя и успел добавить серию мелких заклинаний. Денежные потоки в мгновение ока пересчитались — из-за слаженного натиска и чудовищного [прямого удара] Соуши средства противника рухнули до критической отметки.

На карте оппонента вспыхнул светящийся круг, и вездесущая система зазвучала тревожным речитативом:

[Просмотр, Просмотр, Просмотр...]

Обливаясь холодным потом, противник поспешно выкрикнул:

— Публичное размещение акций!

Увидев этот прием впервые, Соуши на фоне несмолкающих системных оповещений спросил Икки:

— Что это?

— Публичное размещение, — Икки, как [Актив], знал правила [сделок] назубок. — Когда не хватает денег, можно выпустить акции своего [Актива], чтобы собрать средства. У каждого из нас по десять акций, и можно продать до девяти, чтобы остаться в игре.

Пока они говорили, сделка по купле-продаже акций противника завершилась.

Наблюдая, как чужие средства перетекают в [бухгалтерский баланс] врага, Соуши совершенно серьезно спросил:

— А мы можем их купить?

— В теории — да, — Икки невольно улыбнулся серьезности друга. — Но если купим мы, то это всё равно что дать врагу денег, чтобы он нас же и бил. Смысл есть, только если мы покупаем самую последнюю акцию.

Соуши нахмурился, не понимая:

— Но ты же сказал, что продать можно только девять?

— Если [Предприниматель] на грани [банкротства], он может выставить на кон последнюю, десятую акцию. В таком случае тот, кто её купит, полностью забирает [Актив] себе. Со всеми правами, — пояснил Икки.

— Но если это всё равно банкротство... — Соуши недоумённо нахмурился. — Какой в этом смысл?

— Ну-у... — Икки по-детски протянул гласную, склонив голову набок, а затем посмотрел на Соуши и неуверенно добавил: — Наверное, чтобы это «будущее» хотя бы не исчезло совсем? Пусть оно уже и не принадлежит тебе.

Соуши хотел было что-то возразить, но его взгляд случайно упал на лицо напарника. Срок действия вражеского заклинания уже истек, но вызывающе яркий след помады всё еще горел на бледной щеке Икки, раздражая глаз.

Тогда Соуши поднял руку и почти грубо, с силой, стер этот отпечаток тыльной стороной ладони.

Вид у него при этом был такой странный, что Икки лишь недоуменно моргнул, мысленно задаваясь вопросом: «Что это с ним?»

Тем временем их противник завершил вливание капитала.

Он и не подозревал, что в глазах Соуши и Икки, уже продумавших тактику и все экстренные варианты, этот маневр лишь немного отсрочил неизбежное. По сути, исход боя оставался предрешенным. Это была чистая победа.

Вне арены.

Схватка закончилась, но толпа зевак и не думала расходиться. Люди изумленно переговаривались, обсуждая новичков, так стремительно ворвавшихся в жизнь Квартала.

Стоит признать: здесь уже очень давно не видели свежих лиц.

В одном из частных VIP-пространств, доступных лишь обладателям платиновых карт и выше, за боем тоже наблюдали. Когда всё закончилось, там раздался легкий, непринужденный смех.

— А этот новичок и его [Актив] весьма дерзки, не находите?

Последовавшая за смехом фраза была полна нескрываемого интереса.

— Продолжим начатый разговор.

— М-м? — Икки повернулся к Соуши.

— Какая выгода покупать чужие акции, будучи зрителем? — спросил тот.

— Если этот [Актив] в итоге вырвет победу, мы получим дивиденды.

— А если нет?

— Тогда... на этом всё. Деньги сгорают.

— Понятно, — Соуши кивнул, погружаясь в раздумья. Он привычно поправил очки, уже просчитывая наиболее эффективные схемы инвестирования.

Икки какое-то время молча наблюдал за сосредоточенным другом, а потом негромко позвал:

— Послушай, Соуши.

— Да? — Соуши мельком взглянул на него.

Внезапно Икки, находясь в состоянии полета, преградил ему путь. Он с предельной серьезностью посмотрел прямо в глаза Соуши. Со всей торжественностью и искренностью, на которую был способен, Икки попросил:

— Соуши... даже если мы окажемся на грани банкротства, не вздумай продавать мою последнюю акцию.

Соуши не ответил сразу. Он лишь медленно прищурился, став пугающе холодным.

Икки заставил себя не отводить глаз, хотя под этим нечитаемым взглядом ему стало не по себе. Собираясь с духом, он упрямо повторил:

— Пообещай мне.

Но Соуши остался невозмутим. Он лишь спокойно спросил в ответ:

— Неужели мы кажемся тебе настолько слабыми?

Икки на мгновение опешил, а затем уверенно улыбнулся:

— И то верно.

— И еще, — Соуши перебил его, не меняясь в лице.

— Что? — теперь уже Икки непонимающе уставился на него.

Пять секунд они стояли в полном молчании, глядя друг другу в глаза, пока Соуши, наконец, не бросил с горьким раздражением:

— И у тебя хватает совести говорить мне такое?

— А? — Икки оторопел от этого обвиняющего тона.

Лицо Соуши превратилось в бесстрастную маску, голос звучал пугающе ровно:

— Вспомни, Икки. Когда я просил тебя остановиться... как ты поступил?

— Э-э... — Икки невольно втянул голову в плечи и отвел взгляд, не зная, что ответить.

Он прекрасно понимал, о каком моменте идет речь.

Соуши говорил о финале третьей операции «Лазурь». О том мгновении, когда Икки, вбрав в себя всю ассимиляцию, перед самым погружением в глубокий сон оставил Соуши лишь одну безмолвную улыбку через систему «Зигфрид».

Пока Икки, терзаемый чувством вины, судорожно листал воспоминания, Соуши продолжил

допрос в той же ледяной манере:

— Что тогда значила та твоя улыбка?

«Ох...»

Икки интуитивно уловил в этом вопросе тень глубоко запрятанной боли.

На миг он расширил глаза от внезапного озарения. Он тут же посмотрел на друга и увидел, что тот хмурится, из последних сил сдерживая нахлынувшие чувства. Поколебавшись долю секунды, Икки осторожно придвинулся ближе и обеспокоенно позвал:

— Со... уши?

Но Соуши, казалось, больше не нуждался ни в объяснениях, ни в оправданиях. Прежде чем Икки успел подобрать слова, Соуши внезапно рванулся вперед, схватил парящего в воздухе друга и крепко прижал к себе, сковывая его в стальных объятиях.

Икки не сопротивлялся. Он замер в его руках, с тревогой прислушиваясь к каждому движению Соуши.

Тот молчал, уткнувшись лицом в плечо Икки. Длинные волосы скрывали его выражение, но руки сжимали напарника с такой отчаянной силой, будто он боялся, что тот исчезнет прямо сейчас.

Прошло немало времени.

Наконец, всё так же не поднимая головы и не разжимая объятий, Соуши глухо заговорил прямо в плечо Икки:

— Отец когда-то рассказывал... Когда мама на его глазах ассимилировалась Миром острова, последнее, что она ему оставила — такую же безмолвную улыбку.

Икки почувствовал, как по телу пробежал мороз, и весь он невольно застыл от этого страшного осознания.

<http://bllate.org/book/17427/1657115>